

УДК 947.06/08:911

ББК 63.3(2)5

Т 92

*Тхагапсова Галина Григорьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: galinatxa@mail.ru*

## **КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1763-1864 гг.)**

**(рецензирована)**

*В статье рассмотрены тяжелые последствия Кавказской войны, прервавшей и изменившей вектор эволюционного развития культурных ландшафтов Северо-Западного Кавказа. По мнению автора наиболее разрушительным и тяжелым фактором в отношениях природы и общества в регионе стала депортация местного населения, глубоко адаптированного к среде обитания. Сегодня сохранение особого специфического облика культурных ландшафтов требует учета исторического опыта этнических сообществ, проживающих на данной территории.*

**Ключевые слова:** культурный ландшафт, Северо-Западный Кавказ, Кавказская война, хозяйственная культура адыгов, традиции природопользования.

*Tkhagapsova Galina Grigorievna, Candidate of History, senior researcher of the Adygh Republic Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev, e-mail: [galinatxa@mail.ru](mailto:galinatxa@mail.ru)*

## **CULTURAL LANDSCAPES OF THE NORTHWEST CAUCASUS AFTER THE CAUCASIAN WAR (1763-1864)**

**(Reviewed)**

*The article considers the dire consequences of the Caucasian war, that interrupted and changed the vector of the Northwest Caucasus cultural landscape evolutionary development. According to the author, the deportation of the local population deeply adapted to the environment was the most devastating and difficult factor in the relationships of nature and society in the region. Today, preservation of a specific shape of particular cultural landscapes requires taking into account the historical experience of the ethnic communities living in the area.*

**Keywords:** cultural landscape, the North-West Caucasus, the Caucasian war, the economic culture of the Circassians, traditions of nature management.

Понятие «культурный ландшафт», введенное в научный оборот в начале XX в., обрело необычайную популярность на рубеже второго и третьего тысячелетий. Оно оказалось в фокусе интересов исследователей, традиционно разделяющихся на «естественников» и «гуманитариев». Следует заметить, что в классическом ландшафтоведении используются, главным образом, естественнонаучные подходы, хотя и признаётся, что освоенные человеком ландшафты во многом представляют собой продукт истории населяющих их народов, их материальной и духовной культуры. Культурологическая концепция ориентирована, скорее, на сохранение «старого», точнее, на сохранение наследия прошлого в современном ландшафте.

В настоящее время в российской науке обозначились три основных подхода к определению и пониманию культурного ландшафта: информационно-аксиологический, этнокультурный, феноменологический. Информационно-аксиологический подход развивается учёными Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва Ю.А. Ведениным, М.Е. Кулешовой и заключается в исследовании культурного ландшафта как совместного произведения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информированности. Под культурным ландшафтом в рамках этого подхода понимается природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов,

находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. [1] Этнокультурная концепция культурного ландшафта, по определению В.Н. Калуцкова, это культура этнического сообщества, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в её целостности. К компонентам культурного ландшафта относятся: сообщество людей, природная среда, хозяйственная деятельность, селитба, языковая система и духовная культура. [2]

В рамках феноменологического подхода, предложенного В.Л. Каганским, «культурный ландшафт – это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически». [3]

В русле рассмотренных концепций находится и наше понимание культурных ландшафтов, как совместного развития взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимопонимания человека и природной среды, названное Н.Н. Моисеевым «коэволюцией». [4]

Примечательно, что в рамках принятой мировым сообществом концепции устойчивого развития, в которой главным стратегическим направлением является гармонизация взаимодействия природы и общества, актуальность приобретает изучение опыта этнических сообществ по формированию культурных ландшафтов.

В данной статье, с учетом представленных выше теоретических положений, на примере влияния Кавказской войны на культурные ландшафты Северо-Западного Кавказа, автор попытается показать губительные последствия военных действий, разрушающих и резко меняющих вектор развития территорий.

Зачастую кризисы природопользования следует искать в предшествовавших ему изменениях культуры, несущей на себе основные информационные функции территории. Война и милитаризация являются одним из наиболее распространенных и значительных факторов изменения ландшафтов. Так, Кавказская война стала фактором, в корне изменившим характер природопользования, ресурсоемкость, соотношение элементов в биоценозе и облик Северо-Западного Кавказа. К её началу на рассматриваемой территории сложился определенный культурный ландшафт, имевший тысячелетний опыт взаимодействия общества и природы и отличавшийся устойчивостью и налаженностью связей между всеми компонентами ландшафта.

Аборигенное население Северо-Западного Кавказа – адыги. В их культуре были заложены такие модели поведения, следование которым давало возможность ведения хозяйства способом, наиболее рациональным для имеющихся географических и климатических условий, так как целью довоенного природопользования было оптимальное удовлетворение естественных потребностей человека на основе доступных, возобновимых ресурсов. Хозяйственная культура адыгов формировалась с учетом географических особенностей территории: высотной поясности с достаточно выраженными вертикальными географическими поясами, характера рельефа, крутизны склонов и многих других атрибутов горного ландшафта, таких как развитие скелетных почв, опасность их смыва, что в свою очередь, делало необходимым террасирование склонов. [5]

Детально изучив хозяйственную деятельность адыгов, известный агроном И. Клинген пришел к выводу, что за всю свою историю народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор культур. У черкесов были свои агрокультурные мероприятия, позволявшие соблюдать равновесные отношения с биопродуктивностью ландшафта: лесонасаждения, берегоукрепительные живые изгороди, водосточные каналы, искусственное террасирование, особая система севооборота, при которой 5 лет участок использовался под зерновые культуры, а затем 15 лет под пастбище. [6] В эпоху классической Черкесии культура первичного производства адыгов основывалась на сочетании пашенного земледелия с отгонным скотоводством и коневодством, дополняемых пчеловодством, птицеводством, садоводством и овощеводством. [7] Рациональное природопользование основывалось не только на экологически обоснованных приемах хозяйственной деятельности, но и на определенных мировоззренческих представлениях, освящалась обычаями, обрядами, табу, ритуалами.

Особый неповторимый облик культурным ландшафтам Северо-Западного Кавказа придавали лесо-сады. Одним из природных богатств региона являлись заросли диких плодовых: груши, яблони, черешни, кизила, алычи с желтыми и красными плодами, калины, боярышника, орехи разных сортов. На протяжении веков хозяйствования древние адыги достигли значительных успехов в окультуривании этих диких ландшафтов и превращении их в лесо-сады. Такие продуманные и щадящие формы хозяйствования позволили одному из выдающихся кавказоведов В.К. Гарданову отметить, что адыги сумели создать симбиоз агрикультурного и природного ландшафта. [8]

Поведенческие модели природопользования передавались из поколения в поколение в процессе социализации, что позволяло сохранять и совершенствовать культурные ландшафты.

Культурные ландшафты складывавшиеся, на протяжении столетий, были существенно деформированы в ходе Кавказской войны. Война в своих потребностях не имеет границ и оказывает сильное разрушительное воздействие на окружающую среду. Поэтому Кавказская война, имеющая вековую историю, оказала ресурсоопустошающее и деградирующее воздействие на природную среду. Большие потери понес растительный мир, как базовый компонент ландшафта. Продвижение русских войск сопровождалось нещадной рубкой леса, прокладыванием дорог, строительством укреплений, все это приводило к активной деструкции верхних слоев почвы, ухудшению плодородия, смещению водоносных горизонтов, заболачиванию территорий и т.д.

Капитан корпуса лесничих А. Куявский в своем отчете по обследованию лесов Западного Кавказа отмечал, что первоначальное истребление лесов лежит в системе ведения войны. [9] В свою очередь русский путешественник М. Владыкин писал: «Редко где мне случалось видеть такую печальную картину безобразного истребления леса, как в этой местности, тут ничему не давалось пощады – ни строевым, ни фруктовым деревьям, и такой вид имеют леса по всему «Закубанскому низовью». [10] Широкие масштабы колонизации требовали значительного количества леса, как для строительства, так и для торговли. Ко второму этапу колонизации строевого леса на правом берегу Кубани практически не было, и уже к началу XX в. граница лесов проходила на 50-60 км. к югу.

Такие масштабы вырубки лесов привели как к деградации почвы, в результате усиления процессов линейной эрозии, уплотнения и иссушения почвенного покрова, так и к деградации оставшихся насаждений и ухудшению санитарно-экологического состояния среды. В результате была нарушена литогенная основа ландшафта, что значительно снижало возможности восстановления растительного покрова в дальнейшем.

Еще одним последствием бесконтрольной рубки леса стало похолодание климата. Причиной этого, по-видимому, было то, что леса, очевидно, сдерживали напор северных холодных ветров, с истреблением же их для этих ветров исчезли естественные преграды, и климат изменился к худшему. Эта перемена климата вредно отразилась не только на садоводстве, но и на других отраслях сельского хозяйства: огородничестве, пчеловодстве и даже хлебопашестве.

Необходимо также отметить, что произошел подрыв генофонда не только лесной, но и культурной сельскохозяйственной флоры. Русские поселенцы не сразу оценили необходимость и важность использования местного семенного фонда. Семена, используемые горцами, отличались от семян степных районов России необыкновенной мелкостью и скороспелостью, устойчивостью к местным неблагоприятным условиям. После исхода адыгов семенной фонд был утрачен, что привело к снижению урожайности и эффективности использования посевных площадей.

Наиболее разрушительным для культурных ландшафтов фактором стала депортация местного населения. Утрата трудового ресурса, имеющего богатый опыт природопользования, исключаящего экспансионизм и потребительство, глубоко адаптированного к среде обитания, в корне изменили отношения природы и общества в регионе. Миграционные процессы на Северо-Западном Кавказе, произошедшие по окончании Кавказской войны и сопровождавшиеся сменой аборигенного населения мигрантами из другой географической зоны, не имевшими необходимого опыта природопользования, привели к разрушению природно-экологического каркаса территории.

Российская Империя после окончания Кавказской войны получила опустевший, безлюдный край. Материалы исследований, которые проводились после Кавказской войны учеными Русского

Географического общества позволили сделать вывод, что у проживавших на этой территории черкесов была высокая культура земледелия, и как физическая, так и хозяйственная адаптация степного населения, переселенного на горные территории, будет очень сложна. «Горные хозяйства не могут быть обработаны ни степным плугом, ни степною скотиною. Для хозяйственной акклиматизации степняков в горной местности нужно, по крайней мере, два поколения». [11] Даже добронамеренное отношение колонистов к природным ресурсам Кавказа не исключило их порчи, так как у пришельцев не было нужного этнокультурного опыта природопользования. Несоответствие и несбалансированность направлений колониальной политики России, полиэтничное заселение, с доминированием «степных» народов, сделало хозяйственное освоение новых земель на первом этапе практически невозможным. Несмотря на богатый опыт русских в области земледелия, он оказался невостребованным в этой географической зоне. Для них, жителей равнинных ландшафтов, освоение горных территорий приняло тяжелую как в физическом, так и в хозяйственном плане форму.

В свою очередь, экологическая обстановка в регионе приняла катастрофический характер. Состояние тяжелого стресса природной среды выражалось в одичании культурных ландшафтов, патологических реакциях флоры и фауны. После вытеснения горцев все окультуренные места: дорожки, поляны, луга, пашни стали затягиваться непроходимым кустарником. На месте лесов образовывались заросли и чащи из разных кустов и вьющихся растений. Их образование нарушало вентиляцию и усиливало влажность, способствуя увеличению малярийных мест.

Таким образом, выведение из сформировавшегося этнокультурного ландшафта Северо-Западного Кавказа его системно-образующее составляющее – этнос – привело к его разрушению и деградации. Кавказская война явилась социально-экологической катастрофой для региона.

Новый этап формирования культурного ландшафта после Кавказской войны базировался на принципиально иных мировоззренческих основаниях, при отсутствии преемственности в развитии культурного ландшафта и духовной связи с осваиваемой природой.

Многие концепции оправдывают последствия войн или смягчают их отрицательные оценки. Однако ни одно военное вмешательство не проходит бесследно для территории. Помимо прямых существует еще множество косвенных последствий войн, отражающиеся на всей дальнейшей эволюции системы природопользования.

После окончания Кавказской войны социально-экономическая жизнь региона сменила вектор развития. Новая социальная общность стала налаживать отношения с природной средой и находить новые подходы к управлению природопользованием. Однако сохранение особого облика территории, решение задач устойчивого развития и эффективного хозяйствования невозможно без учета культурного наследия автохтонных групп, на протяжении своей многовековой истории накопивших богатый опыт хозяйствования в специфических локальных экологических нишах. Данный фактор особенно значим для территории Северо-Западного Кавказа, культурные ландшафты которой подверглись масштабной деградации в ходе продолжительных военных действий. Катастрофичность ситуации обуславливалась практически полной сменой этнического состава региона, приведшего к утрате мощного пласта традиций природопользования коренного адыгского населения, носивших ярко выраженный экофильный характер.

#### *Литература:*

1. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект наследия // Культурная география. М.: Ин-т наследия, 2001. С. 172-190.
2. Калуцков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра географ. наук. М., 2009. 295 с.
3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт (материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительный альманах. Вып. 5. М.: Ин-т наследия, 2008. С. 243-246.
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. Гвардия, 1990. 351 с.

5. Тхагапсова Г.Г. Традиции природопользования в культуре адыгов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения. Краснодар, 2001. С. 170-175.

6. Клинген И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 47-48.

7. Губжоков М.Н. Культура адыгов // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2-х томах. Т. 1. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. С. 358-360.

8. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). М., 1967. С. 70-71.

9. Куявский А. Обозрение лесов Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. №3/4.

10. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Ч. II. М., 1885. 375 с.

11. Отчет комиссии по исследованию земель на Северо-Восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыпью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. №5/6.